

П. Барчук

П. Ларин

Последний телепат

Павел Барчук

Псих. Первая кровь

«автор »

2026

Барчук П.

Псих. Первая кровь / П. Барчук — «автор », 2026 — (Последний телепат)

Девять корпораций правят миром. Девять одаренных «героев» служат им цепными псами. Идеальная система, где обычные люди — лишь ресурс. Так было всегда, пока я случайно не заполучил запретный Дар. Круто? Да ничего подобного! Никогда не мечтал быть одарённым. Просто оказался не в том месте и не в то время — потому что я Псих, со мной так всегда. Мне плевать на Девятку, которую обожает вся Конфедерация. Плевать на Совет старейших, который держит её за яйца. Меня волнует только одно — кем я теперь стал и как бы не разрушить весь мир к чертям собачьим.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Барчук, Павел Ларин

Псих. Первая кровь

Глава 1

Мы с Гнусом шлялись по торговому центру, хотя пора уже было валить отсюда и возвращаться обратно в гараж. Думаю, дело в том, что я и он снова оказались в обычной, реальной жизни, где нет Инкубатора с его правилами, где можно спокойно делать всё, что захочется. Ну или почти всё.

Предчувствие беды не отпустило меня совсем, но стало тише. Я даже немного расслабился, подумал: это просто реакция на слишком большое скопление людей. Отвык. Вот, наверное, и клинануло после интерната.

В руке у меня был пакет с новыми шмотками. У Гнуса тоже. Купили по минимуму, самое необходимое. Пару футболок, джинсы, трусы, носки и новые лёгкие куртки. О Сиротине тоже позаботились. Ему вещи брали наугад, чисто отталкиваясь от внешних данных пацана. Надеюсь, не промахнулись.

В итоге потратили только половину суммы, оставленной Зубовым. Как раз хватит ещё прикупить жратвы. Консервы в гараже есть, значит, надо что-то другое. Чёртов цербер даже не потрудился составить список. Типа сами разберемся.

Мы как раз двигались по второму этажу в сторону супермаркета, когда на пути нам попался ювелирный магазин. Гнус резко остановился и замер, изучая стеклянную дверь ювелирки. Сквозь нее было видно большие витринные шкафы и тумбы, в которых блестели под специальными лампами драгоценные изделия.

Я посмотрел на ауру Толика. Она больше не была серой, её буквально пронзали нити ярко-оранжевого цвета. Азарт. Такой же, как у Скотины на стадионе. Только сильнее. Если физкультурник очень хотел добиться результата, но не был уверен в своих возможностях, Гнус наверняка знал: он может войти в магазин и вынести оттуда парочку побрякушек. У него точно получится.

«Оооо... ну вот, – хмыкнул Мозгоед. – Правильно твой дружок Зубов говорил: гены пальцем не сотрешь и натуру не спрячешь. Глянь-ка на Толика. Этот кретин на полном серьёзе размышляет, не насадить ли ему несколько золотых колечек. Я бы посмотрел на это, если честно. В торговом зале сто процентов стоит сигналка. Выходит, наш умелец знает, как обдурить систему».

«Серьёзно? Хочешь, чтобы нас загребли в первый же день?»

– Гнус, – я дёрнул Толика за рукав.

– Что? – он даже не обернулся, смотрел на вход в магазин и не мог оторвать взгляд.

– Не вздумай.

Гнус с трудом отвлёкся от созерцания грёбаной двери, повернулся ко мне.

– Да я просто гляжу, – рожа у него стала честная-пречестная. Сразу понятно – триндит. Он уже мысленно вынес половину товара и скинул его какому-нибудь барыге.

– Ты идиота из меня не делай.

– Пять секунд, Псих. Одну минутку.

– Гнус, – процедил я. – Только попробуй учудить что-нибудь в своём репертуаре. Нам сейчас светиться нельзя. Вот как разойдёмся, можешь делать что угодно. Хоть ювелирки грабь, хоть банки. Вообще по хрену.

– Ага... – ответил Гнус, а потом резко дёрнул руку, освобождаясь от моей хватки, и так шустро рванул в магазин, что я не успел даже глазом моргнуть.

«Твою мать!» – рявкнул Мозгод.

Конкретно в данном случае я был с телепатом полностью согласен. Реально – твою мать.

Пришлось быстро двинуться вслед за Толиком. Оставлять его наедине с драгоценностями нельзя. Зуб даю, он не удержится и что-нибудь украдёт. А это, на секундочку, не овощная лавка. Думаю, тут не то что весь товар под контролем, здесь даже мысленно представлять грабеж опасно.

Внутри тихо играла классическая музыка. Покупателей было мало. У одной витрины пожилая пара выбирала браслет в подарок внучке. У другой замер молодой мужчина. Вид у него был настолько несчастный, что сразу становилось понятно – бедолага покупает обручальное кольцо. Боятся, что оно не понравится избраннице. Чуть в стороне стояла симпатичная женщина в светлом пальто, рассматривала подвески.

Рядом с пожилой парой суежилась продавщица, молодая девчонка в униформе магазина. Несчастного мужика обхаживала её коллега. Женщина в светлом пальто пока что просто приценилась.

Третья продавщица тусовалась за прилавком, там, где касса. Нас она, конечно, сразу увидела и в один момент оценила нашу покупательскую способность. Вернее, её отсутствие. Взгляд у тётки стал холодным, неприязненным. Она покосилась на охранника, который замер на входе. Наверное, ждала какого-то участия. Тот вообще не отреагировал. Ему было искренне плевать на взгляды кассирши. Он ухитрился спать стоя, с открытыми глазами. На поясе у мужика висели рация и дубинка. Сомнительное оружие защиты.

– Молодые люди, вам чем-то помочь? – поинтересовалась продавщица из-за прилавка.

– Мы просто посмотрим, – Толик изобразил самую тупую улыбку, на которую был способен. А в этом он несомненно лучший, – Девушке подарок хочу. Что посоветуете до десяти тысяч?

Продавщица чуть расслабилась. Гнус назвал сумму, которая вполне соответствовала его внешнему виду, достаточно скромную. Но при этом вполне реальную, чтобы прикупить какую-нибудь мелочь из серебра. Она подозвала нас ближе и стала показывать тоненькие браслеты в витрине, соединённой с прилавком.

Гнус кивал, ахал. А сам каким-то удивительным образом умудрялся одним глазом смотреть на товар, вторым – на петли витрины, на замок, на камеру в углу.

Я стоял чуть сзади и всеми фибрами души желал Толику сдохнуть.

«Да ладно тебе, не кипишишь, – успокоил меня Мозгод. – Он же не идиот, чтобы делать это прямо сейчас. Чисто примеряется на будущее. Давай, забирай его. Пусть заканчивает эту хрень, и валим».

Только я собрался дёрнуть Толика за куртку – за спиной грохнула стеклянная дверь магазина, будто её открыли с пинка.

Обернулся на звук и чуть не выматерился вслух.

В проёме стояли двое. В чёрных лыжных масках. У обоих в руках обрезы.

«Зашибись мы зашли на колечки поглазеть», – ехидно высказался Мозгод. – «А я еще главное думаю, хрена се, несколько часов ничего не происходит.»

– ВСЕ НА ПОЛ!!! Мордой вниз! БЫСТРО!!! – заорал первый. Он выглядел достаточно крепким, скорее всего, увлекается качалкой. Широкие плечи и уверенная стойка однозначно говорили о том, что парень любит потаскать железо.

Крепыш тут же подскочил к охраннику, сдёрнул с его пояса рацию, потом прикладом засадил бедолаге под дых. Охранник согнулся пополам. Следом прилетел удар ногой под колено, и мужик завалился на пол.

Второй грабитель выглядел поскромнее. Он был слишком тощий и немного нервный, что ли. Переминался с ноги на ногу, оглядывался, дёргал то одним плечом, то вторым. При этом

правой рукой держал обрез, а левой постоянно чесал шею под маской. Будто у него крапивница или псориаз.

«Торчок, – констатировал Мозгоед. – *В нём столько дури, что на троих хватит. Хреново. Значит, вообще не соображает. Да и первый, по-моему, не лучший. Просто покрепче.*»

– На пол всем! – снова заорал крепыш, потом качнул ствол в сторону кассирши. – Только попробуй нажать тревожную кнопку. Голову прострелю.

Я медленно опустился вниз, распластался на животе. Гнус улёгся рядом. Продавщица спряталась за прилавок, зажимая рот руками. Остальные покупатели и сотрудники магазина тоже выполнили требование грабителей. Все, кроме женщины в светлом пальто. Она стояла и смотрела на двоих типов в масках с таким видом, словно не верила в происходящее.

– НА ПОЛ, ТЕБЕ СКАЗАЛИ!!! – взвизгнул дёрганый и метнулся к ней. Ткнул стволом прямо в живот.

– Я не могу, – прошептала она. – Я... у меня... я на шестом месяце, понимаете. Мне нельзя, сложности...

– Твою мать, – тихо выдохнул Гнус сквозь зубы. – Баба, похоже, беременная.

Нервный поднял обрез, теперь оружие смотрело женщине в лицо. Находилось в двадцати сантиметрах от её глаз.

– На пол, СУКА!

Дуло чуть покачивалось, – руки уроды тряслись мелко-мелко, как у алкаша с похмелья. Женщина почему-то не двигалась. Только хлопала глазами и смотрела на грабителя. По ее щеке медленно катилась одна-единственная слеза.

«*Да чтоб тебя, – выругался Мозгоед, – Она вообще не соображает. Страх за ребенка. Фонит так, что аж вить охота. Чуешь?*»

Я промолчал. Просто мне стало немного не до высказываний телепата. Почувствовал, как внутри, где-то под солнечным сплетением, начала появляться холодная тяжесть – будто туда медленно натекает ртуть. Подобное ощущение испытывал перед тем, как ментально ударил Штыка.

А еще отчетливо понял одну вещь. Нервный вот-вот выстрелит. Я это видел по ауре – она клубилась чёрными пятнами, раскрашенными разноцветными всполохами, дёрганными, как и сам тощий. Урода плющило и колбасило от дури, плюс ещё адреналин в крови разгулялся. Мудила выстрелит не потому, что женщина реально представляет угрозу, а потому, что вообще не отдаёт отчёта своим поступкам, не контролирует тело.

«Псих, НЕТ! – Мозгоед сразу считал мои намерения. – *Не лезь. Пусть эти дебилы забьют всё, что хотят, и свалят. Нам нельзя светиться!*»

«Зубов сказал, на втором этаже не работает видеоконтроль».

«В самом центре, возможно, дорого содержать всю эту систему. Но в магазине камеры точно рабочие. Ты наследий!»

«По хрену».

Я, если честно, особо не думал. Решение пришло само. Причём сформировалось оно сразу, как только двое мудаков в лыжных масках ввалили в магазин. Просто потребовалось пару минут, чтобы осознать его.

Если могу остановить ублюдков, почему не сделать этого? А я реально могу. И дело вовсе не в желании почувствовать себя героем. Просто...

Да хрен его знает, что «просто». Неправильно это, и всё. Уроды пришли грабить – ок. Грабьте. Ночью, когда тут никого нет. А тыкать своими стволами в незащищенных стариков и беременную женщину – ну это совсем надо быть кончеными.

Дальше слушать причитания телепата не стал. Ртуть уже поднялась от груди к горлу, потом к переносице. Приподнял голову и уставился нервному прямо в башку. Мне даже не нужны его глаза, и так отключу уроды.

Тут же сформировалась мысль, короткая, ясная.

«Усни, гнида».

Я собрал всю ртуть, швырнул её вперед.

И снова не могу объяснить, как это работает. Из меня просто вышло что-то невидимое, плотное, будто внутри взвели пружину, а потом отпустили. Импульс ударил тощего прямо в башку.

Мудак дёрнулся всем телом, как от разряда. Обрез в его руке качнуло вниз, ствол ушёл в пол. Глаза под маской закатились – в узкой прорези остались только белки. Тощий даже не успел вдохнуть. Беззвучно повалился набок, как мешок с картошкой. Голова стукнула о плитку с глухим неприятным звуком.

Обрез выпал из ослабевших рук, крутанулся на полу и замер в полуметре от грабителя. Нервный реально отключился. Надеюсь, не окончательно.

Я не хотел убивать ублюдка, потому что тут Мозгоед прав, смерть тощего привлечёт внимание.

Грабители выбрали не самое лучшее место для того, чтобы обогатиться. Это, мать его, торговый центр! Здесь толпы людей. В любой момент кто-нибудь обратит внимание, что за стеклянной дверью магазина происходит какая-то хрень. Появление ментов – вопрос времени. Приедут, а тут – готовый труп.

И всё бы ничего, если бы не инквизиторы. Я обманул их в лесу, но это ненадолго. Они в городе тоже будут рыть носом, рассматривать все странные случаи или подозрительные происшествия. Смерть от кровоизлияния – достаточно подозрительная для тех, кто ищет телепата.

А так – обдолбанный вусмерть мудила отключился во время ограбления. Анекдот.

Как только тощего выстегнуло, женщина в пальто охнула, отшатнулась к витрине. Её наконец отпустило оцепенение, в котором она была с самого начала. Прижалась к стеклу спиной, обхватила руками живот.

Крепыш замер, бестолково таращась на подельника, который распластался на полу.

– Серый? – позвал он. – Серый, ты чё?..

Тощий не отвечал. Из-под его башки начало расплываться кровавое пятно. Не густая кровь, которая льется, если разбить башку, скорее алая, будто из сломанного носа. Но только очень, очень много.

Крепыш крутанулся на месте, ствол в его руках ходил ходуном.

– КТО?! – заорал он. – Кто, СУКА, что сделал?!

Я спокойно лежал на полу и делал вид, будто мне очень страшно. Гнус рядом тоже притих. Он – единственный, кто мог о чём-то догадаться. Видел Штыка и знает, что я так могу.

«Ну ты и debil, Псих... – простонал Мозгоед. – У этого урода носом пошла кровь. Очень до хрена крови. Совсем без палева, конечно».

Снаружи, где-то далеко, взвыла сирена. Либо продавщица за витриной всё же успела нажать тревожную кнопку, либо, как я и думал, кто-то из посетителей сообщил охране торгового центра, а те уже вызвали подмогу.

Крепыш заметался. Дёрнулся к двери, услышал сквозь стекло далёкий вой, выматерился. Развернулся, кинулся к прилавку, схватил кассиршу за волосы, подтянул вверх, вынуждая почти лечь на витрину. Она заскулила.

– Не дергайся, сука, – просипел он. – Со мной пойдешь. Выведешь меня на стоянку...

Договорить грабитель не успел.

Стена магазина, глухая, обшитая мраморными панелями цвета топлёного молока, дрогнула. Один раз, коротко, будто по ней снаружи стукнули кулаком. Люстры под потолком качнулись. Классическая музыка из скрытых колонок сбилась с ритма и захрипела.

Стало неимоверно тихо. Секунда, две... А потом громыхнуло так, что заложило уши. Стена взорвалась и сложилась, как мокрый картон. Причем обломки её не полетели во все

стороны, хотя по законам физики именно это и должно было произойти. Ни хрена подобного. Их будто смяла невидимая рука.

В образовавшемся проёме стоял человек.

Куртка – белая с золотым, точь-в-точь как на плакатах в столовой Инкубатора, на автобусах и фасадах домов, на упаковках жвачки в киоске. Волосы светлые, чуть длиннее положенного, растрёпанные от ветра. Открытая мальчишеская улыбка юного раздолбая, у которого впереди вся жизнь.

«Апогей, сука...» – выругался Мозгоед.

Ну да, это был он. Аркадий Воронцов, Предводитель Девятки Авангарда. Прилетел на вызов о вооружённом ограблении. Прошёл сквозь несущую стену торгового центра так, словно с пинка открыл дверь в собственный сортир.

Апогей шагнул внутрь. Обвёл заложников взглядом – сверху вниз, спокойно. Потом посмотрел на грабителя, который готов был обсопаться от страха. На скорое появление одаренного расчета явно не было.

Предводитель Девятки сделал еще один шаг вперед. Крепыш дёрнулся. Обрез в его руках ходил из стороны в сторону, второй рукой ублюдок все еще держал кассиршу за волосы.

– Не подходи! – заорал он. – Я её пришью! Пришью, слышишь?! Отойди на хрен!

Апогей молча склонил голову к плечу, чуть-чуть, будто прислушивался. И улыбнулся ещё шире, ещё дружелюбнее.

Кассирша перестала скулить. Если до этого по её щекам черными полосами стекала тушь, то теперь слезы высохли в одно мгновение, во взгляде появилась очень неуместная радость. Мне кажется, эта дура на полном серьезе решила, что сегодня самый счастливый день в ее жизни. Подумаешь, всего лишь пару минут назад мог пристрелить обдолбанный придурок. Зато благодаря ограблению она увидела главного одаренного Конфедерации.

Апогей поднял правую руку. Медленно, лениво. Пальцы разжались, ладонь раскрылась.

Крепыш взвизгнул, его рука сама собой дернулась и отпустил продавщицу. Судя по тому, как придурок смотрел на собственную конечность, это от него совсем не зависело. А потом грабитель неторопливо поплыл вверх. Поднялся метра на полтора, повис в воздухе. Теперь дернулась вторая рука – обрез выпал и брякнулся о пол. Крепыш засучил ногами, будто пытался идти по невидимому льду.

– П-п-погоди... – прохрипел он через маску. – Слышь, ты... я... я сдаюсь... я...

Апогей резко сжал пальцы в кулак.

Что-то в шее у крепыша щёлкнуло. Сухо, коротко. Он последний раз дрыгнул ногами и затих, уронив голову на грудь. Тело обмякло, висло в воздухе, как старая, мятая одежда на плечиках.

Апогей ещё секунду держал труп грабителя в воздухе. И да, это был уже труп, сомнений вообще никаких. Потом снова раскрыл ладонь. Мертвец мягко опустился на пол – не рухнул, а именно улегся. Аккуратно, беззвучно. Будто он устал и теперь хочет отдохнуть.

«Ну ты понял, да? – прошипел Мозгоед. – Мудила сдался, но Апогей на болту видал все эти правила. Типа, не убивать того, кто готов к аресту. Прихлопнул, как котёнка. Псих, слушай меня очень внимательно. Лежи. Дыши в пол. Не отвечивай. Тебе еще рано...».

Что именно "рано" я так и не узнал. Телепат резко заткнулся.

Апогей снова посмотрел на покупателей магазина, на продавщиц. Его улыбка изменилась. Стала немного виноватой. Мол, простите, ребята, что вам пришлось пережить этот ужас.

– Всё, – сказал он. Голос у народного героя был низкий, спокойный. Как у дорогого, высокооплачиваемого мозгоправа. – Всё закончилось, друзья. Вы в безопасности.

Предводитель Девятки поднял правую ладонь и прижал ее к сердцу. Я этот жест видел тысячу раз, в репортажах и интервью. Апогей всегда его использует, как свою личную фишку – типа, люблю вас, люди, всей душой.

Пожилая пара медленно поднялась с пола. Дамочка в пальто просто тихо всхлипывала. Парень с обручальным кольцом сидел и пялился на Апогея, приоткрыв рот.

Я тоже осторожно встал на ноги, обернулся к дыре в стене. Там уже собралась толпа фанатов. Они щелкали камерами смартфонов, отпихивали друг друга плечами, чтобы получше разглядеть своего героя. Готовы были в глотку вцепиться, лишь бы коснуться белой курточки с золотой вышивкой.

– Апогей! – закричал женский голос из толпы, – Апогей!!! Аркадий!!! Посмотри на меня!

– Спасибо!! Спасибо!! Ты лучший!!! – подхватила вторая идиотка.

В следующую секунду толпа взорвалась криками.

– Аркаша, я тебя люблю-у-у!!!

– Селфи! Селфи одно, миленький!!!

– Апогей, ты лучший! Хочу от тебя детей!!!

Воронцов развернулся лицом к восторженным почитателям. Пригладил ладонью растрёпанные волосы – коротко, привычным движением. Сделал глубокий вдох и махнул рукой, приветствуя счастливых идиотов, готовых сдохнуть прямо здесь и прямо сейчас ради одного взгляда своего кумира. Толпа взвыла – громко, синхронно, будто они на концерте рок-звезды.

Апогей двинулся к выходу неспешной походкой. Покинуть магазин он собирался как положено, через дверь. Прошел мимо тощего, мимо крепыша. У самой двери на секунду остановился, посмотрел на кассиршу и подмигнул ей. Та мгновенно вспыхнула, залилась краской и прижала ладони к щекам, будто ей четырнадцать лет.

Народный герой шагнул в толпу.

Гул стал в три раза громче. Люди тянулись к Апогею руками, щелкали без перерыва камерами мобильных. Он мимоходом приобнял какую-то женщину за плечи, прижался виском к ее голове. Позволил сделать совместное селфи. Тётка от счастья едва не потеряла сознание.

Апогей засмеялся, весело, звонко, махнул рукой другой девушке. Она тут же оказалась рядом, протянула маркер и выпятила грудь. Видимо, просила автограф. Воронцов что-то написал на ее светлой футболке. Затем двинулся вперед. Люди тянулись к нему, но при этом расступались, как море перед Моисеем.

Чертов спаситель человечества почти уже скрылся из виду. Ещё чуть-чуть – его закроют чужие спины окончательно.

И вдруг – остановился.

Резко. На середине шага. А потом медленно обернулся.

Его взгляд прошелся по магазину, словно Апогей только сейчас заметил или понял какую-то странность. Естественно, случилось неизбежное. Он посмотрел на меня ровно в тот момент, когда я пялился на него. Наши глаза встретились.

Улыбка на лице Апогея никуда не делась. Она оставалась все такой же – открытой, мальчишеской. Изменился взгляд. Стал очень внимательным.

«Я же, сука, сказал, не отвечавай...» — простонал Мозгоед.

По голосу телепата я сразу понял – что-то пошло не так.

Глава 2

Одна секунда. Две. Три. Прямо как в фильме, честное слово. Не хватало только трагичной музыки на заднем фоне.

Апогей смотрел на меня, я – на него. Улыбка на лице этого белобрысого придурка стала еще шире. Хотя, казалось бы, куда уж больше. Того и гляди его смазливая рожа треснет от усердия. Это было бы реально смешно. Просто – бах! – и физиономия Апогея разлетается на куски.

Толпа за спиной народного героя гудела, люди все так же тянули к нему руки, выкрикивали имя. Но ему конкретно сейчас явно было плевать на обожание простецов. Все эти вопли, крики, признания в любви – Апогей их будто резко перестал слышать. Ну или сделал вид, что не слышит.

«Псих... – тихо прошипел Мозгоед, – Псих, слушай меня очень внимательно. Опустить взгляд. Прямо сейчас. Изобрази восхищение на лице. Как остальные. Его зацепило, что ты смотришь на спасителя человечества, на великого, чтоб ему обоссаться, Апогея без восторга. Для этого ублюдка всеобщая любовь круче дозы хорошего алкоголя.»

Совет был дельный, чего уж скрывать. Но я не опустил.

Не смог, если честно. Меня прямо переклинило. Это не гордость, не упрямство, не желание показать, какой я типа крутой, срать хотел на Апогея. Просто – не смог и все.

Заслуживал ли крепыш смерти? Ну точно не Апогею решать. Грабитель готов был сдаться, на хрена ему ломать шею? Наверное, меня выбесил тот факт, что какой-то смазливый тип в белой курточке возомнил себя богом. С хрена ли?

К тем эмоциям, которые испытывал конкретно в данный момент, примешивалась еще одна – ненависть. Глухая, застарелая, выношенная годами. Я впервые понял, что ненавижу всю Девятку целиком, а блондинистого красавчика сильнее прочих.

Странно? Конечно. До этого дня мне ни разу не приходилось пересекаться с кем-то из Авангарда. Вообще ни разу. Нам нечего делить. Это даже смешно, где я и где Девятка? Да, испытывал глухое раздражение при виде их самодовольных рож в телеке или на рекламных плакатах, есть такое, но чтобы прям ненавижит до зубовного скрежета... Вопрос – в чем прикол? Откуда во мне это?

Апогей чуть склонил голову набок. Он стоял и пялился на меня уже почти минуту.

Потом народный герой повернулся к толпе, словно только сейчас вспомнил про своих обожателей. Поднял руку, прижал ладонь к сердцу.

– Друзья, – голос был мягкий, тёплый, немного виноватый. – Друзья, я вернусь к вам чуть позже. Мне нужно убедиться, что пострадавшие в порядке. Хорошо?

Толпа простонала разочарованно, но подчинилась. Как же, любимец сказал.

Из-за спин фанатов протиснулись двое ментов в форме.

– Ребят, – Апогей повернулся к ним, кивнул на толпу, – уберите людей. Мягко. Никого не давить, не толкать. Просто отодвиньте. Мне нужно спокойно поговорить с пострадавшими. Разберитесь, договорились?

– Так точно! – гаркнули оба полицейских.

Мгновенно. Хором. Как школьники перед директором.

Один сразу двинулся к дыре в стене – сдерживать напирających. Второй пошёл вдоль уцелевшей части магазина, попутно что-то бубнил в рацию. У обоих на физиономиях застыло одинаковое выражение – смесь щенячьего восторга и служебного рвения. Аркадий Воронцов лично отдал им приказ. Будет что рассказать внукам.

Толпа заворчала, но послушно отступила на пару шагов. Кто-то ещё тянул руку с телефоном, кто-то пытался снять всё происходящее из-за плеча соседа, но по большому счёту дистанцию держали. Раз сам Апогей попросил – значит, надо.

Воронцов двинулся обратно в магазин.

«Ну вот, доигрался? – тут же забубнил Мозгод. – Я же сказал тебе нормальным языком, ты пока не готов к этой встрече.»

«Ты мне до хрена чего говоришь, но ни черта не объясняешь. Может, если бы твои высказывания сводились не только к требованиям, нам обоим было бы проще. Кстати... почему я ненавижу Апогея?»

«Откуда мне знать?! – ответил телепат слишком быстро и слишком искренне. – Я его тоже ненавижу, но моя ненависть к твоей не имеет отношения. Что с тобой было до нашей встречи, понятия не имею. Про себя-то ни черта не помню, как могу отвечать за твои эмоции?»

Опять брешет, сволочь.

А вообще забавно, как Мозгод реагирует на Апогея. Он его не боится, скорее наоборот – готов рвать зубами. Но по какой-то причине делает вид, в первую очередь для меня, будто опасается предводителя Девятки.

Воронцов прямым ходом двинулся к нам с Гнусом. Остальные покупатели ещё не вышли из магазина. Пожилую пару продавщица отпаивала водой, обоих. Женщина в пальто и парень звонили своим близким. Апогей в их сторону даже не глянул.

Приблизился, остановился в двух шагах.

Толик буквально подпрыгивал на месте от восторга. Аура Гнуса плескалась ярким, лимонно-жёлтым – восторг, замешанный на детском обожании. Плюс мутновато-розовая ниточка гордости: мы, дескать, тут стояли, нас лично Апогей заметил.

Противно, до блевотины.

Зато с аурой Апогея ничего не происходило. Потому что ее не было, этой ауры.

В смысле – вообще не было. Никакой. Ни серой, неподвижной, как у директора, Зубова или Сиротина. Ни черной, ни белой, ни, мать ее, золотой. Ничего. Ноль. Ровный вакуум там, где у любого нормального человека клубится хоть какое-то марево.

«С одаренными так и есть,» – коротко пояснил Мозгод.

«Я что, не могу считывать тех, у кого есть Дар?»

«Можешь, – с неохотой ответил телепат. – Но это делается совсем не как с простецами.»

«Расскажи.»

«Беги и падаю, – хмыкнул Мозгод. – Перетопчешься. Пока не закончится синхронизация, хрен тебе, а не информация. У тебя имеется патологическое стремление к самоуничтожению, а я обратно в вакуум не хочу. Если твои поступки не контролировать, ты нас в гроб загощишь быстрее, чем я успею вздохнуть.»

Впервые эта телепатическая дрянь сказала что-то стоящее. Похоже, мои предположения были верными. Мозгод – это та самая медуза. Я и раньше подозревал, несмотря на его попытки выставить меня дураком, но сейчас убедился на сто процентов. Вакуум. Да. Так и есть. Медуза сидела в стеклянной тюрьме много лет и ждала. Все сходится.

– Ребят, – начал Апогей. – Вы как? Целые? Не задело?

Голос у него был мягкий, добренький, какой-то домашний. Будто роднее меня и Гнуса у Аркадия Воронцова никого нет. Заплакал бы от счастья, если бы не бы уверен, что это все дешевая игра.

– Целые! – выдохнул Гнус восторженно. – Мы... в смысле... господин Апогей, мы...

Я покосился на Толика. В какой момент мой сосед окончательно звезданул и превратился в пускающего слюни идиота? Если он настолько фанатеет от Девятки, нам точно не по пути.

– Аркадий, – мягко поправил Воронцов. – Просто Аркадий, ладно? Мы же не на пресс-конференции. Как зовут-то?

– Толик. То есть Анатолий. Никонов.

«Фу...Щас сблюю... – мрачно высказался Мозгод, – У этого кретина совсем мозги потекли из-за Апогея. Псих, на хрен нам не нужна такая компания».

Вот тут я с телепатом был абсолютно согласен, но пока решил промолчать.

– Толик, значит. Хорошо, – Апогей перевёл взгляд на меня. – А ты?

– Виктор.

Наверное, мне на самом деле надо было проявить чуть больше энтузиазма и радости, но ни черта не получалось. Наоборот, от близкого присутствия Воронцова ненависть начала расти и множится. Как грёбанный суп, который закипел и вот-вот польется через край.

– Витя, – Апогей прищелкнул языком и покачал головой. Будто прежде не слышал настолько прекрасного имени. Переигрывает, – Тоже отлично. Виктор, победитель.

Он сделал ещё полшага вперёд. Незаметно так, вроде бы просто перенёс вес с ноги на ногу. Мозгод в голове сразу отреагировал.

«Дистанцию сокращает. Изучает. Расслабься. Дыши ровно. Смотри на переносицу, не в глаза. Он прямой, уверенный взгляд расценивает как вызов. Ты палишься на него, будто перед тобой нет предводитель Девятки, а ссаная тряпка»

– Испугались? – спросил Апогей участливо.

– Ну а как же... – начал Гнус.

– Немного, – сказал я одновременно с ним.

Воронцов перестал скалиться. Сделал вид, будто удивлен нашими ответами. Вернее тем, насколько они разные.

– Немного, значит, – уточнил он, будто плохо расслышал ответ. Смотрел, конечно же, именно на меня.

Я не стал врать по определенной причине. Отчего-то мне показалось, если начну изображать то, чего нет, например, страх перед грабителями, этот придурок в курточке сразу все поймет. Поэтому озвучил версию, которая была относительно близка к правде.

Действительно немного испугался, не не двух обдолбанных кретинов в лыжных масках. Боялся, что невзначай превращу их мозги в кашу, как было со Штыком. Нельзя оставлять следы, по которым меня могут найти инквизиторы. Вот этих людей в черном я точно видеть больше не хочу. Есть ощущение, телепат нет врет, когда говорит, что они мне сделают по-настоящему больно.

Воронцов чуть выпятил нижнюю губу, кивнул. Не одобрительно, а задумчиво. Мол, интересный ты пацан, Витя. Не пойму тебя с первого захода.

Двое санитаров в оранжевых жилетах продрались сквозь толпу с носилками. Один остался у пролома, отгёр плечом слишком ретивого зеваку. Второй, пожилой, с седой щетиной, направился напрямик к тощему. Присел на корточки, стянул маску-балаклаву, приложил пальцы под челюсть. Через пару секунд крикнул через плечо коллеге:

– Живой. Пульс есть. Слабый, но ровный. Давай носилки! Не пойму... Это с носа что ли натекло... Открытых ран на голове нет.

Апогей на возню санитаров даже не обернулся. Смотрел на меня. Улыбался. Но в улыбке появилось что-то новое – оценка.

Крепыша тем временем тоже забрали. В магазин пробралась еще одна пара санитаров. Они закинули труп на носилки. Голова грабителя мотнулась, одна нога упорно не хотела лежать как положено, норовила соскользнуть. Санитар сердито буркнул товарищу: «Придержи ноги, резвый какой-то покойник», – и они понесли мертвого крепыша к пролому. Кто-то из зевак вскинул смартфон, но тут же получил легкий удар по руке от мента:

– Убрал телефон! Быстро!

Следом за санитарями в магазине появился криминалист. Да, понятно, прилетел великий Апогей и всех спас, но факт преступления никто не отменял. Надо написать кучу бумажек, быстренько открыть дело, а потом еще быстрее его закрыть. Все же понятно.

Поэтому криминалист делал свою работу лениво, скорее для галочки. Он присел на корточки у витрины, начал что-то замерять рулеткой возле лужи крови на полу. Создавал видимость серьезного подхода.

Двое полицейских – новых, свеженьких, не тех, что Апогей отправил контролировать зевак – подошли к парню с обручальным кольцом, стали его расспрашивать о случившемся. Тут же подскочила кассирша и принялась захлёбываясь рассказывать, как «этот, гад, за волосы, представляет, за волосы!». Женщину в светлом пальто увели куда-то в сторону, – судя по всему, к скорой.

Магазин ожил. Все крутились как заведённые. Одни писали, другие уносили, третьи фотографировали улики. Наша троица на фоне этой суеты выглядела слегка неуместно. Но никто из сотрудников полиции даже не дернулся к нам. Наверное, из-за Апогея.

Воронцов медленно, почти лениво почесал висок кончиком пальца. Посмотрел на то место, где совсем недавно лежал тощий, на лужу крови, которая осталась.

– Кстати, – снова заговорил он, – Витя, ты мне кое-что объясни. Я, конечно, старался быстро попасть сюда, но всё-таки не мгновенно долетел. Ну, знаешь, пока от нашего центра сюда добрался...

Апогей смущённо усмехнулся, будто извиняясь за свою медлительность. Мол, работал, как мог, простите за задержку.

– И вот что меня удивляет, – продолжил он, – когда я вошёл – второй уже лежал.

«Вот в чем дело... – хмыкнул Мозгоед. – Он грохнул грабителя и свалил отсюда, но потом сообразил, что второго вырубил до его появления. Поэтому и обернулся. А тут ты стоишь, пялишься»

– А, ага, этот... – Толик покосился на лужу крови, потом на меня, потом на Апогея. – Госп... эээ... Аркадий, ну он тыкал стволом в бабу... эээ... в женщину. А потом как... ну... как хлопнется.

– То есть ты видел, что он упал сам? – тихо, ласково уточнил Апогей. – А почему упал?

– Не знаю, – Гнус сокрушённо развёл руками.

Воронцов снова перевёл взгляд на меня.

– Витя, а ты? Ничего не заметил?

Пришлось изобразить что-то среднее между «задумался» и «неохота вспоминать». Дёрнул плечом. Скривил рот.

– Мы же на полу лежали, – ответил я – Слышал, как этот урод приложился башкой и все. Он совсем... – поискал подходящее слово, – нервный был. Дёрганный. Мне показалось, под дурью.

– Дёрганный, – повторил Апогей задумчиво. – Ты уверен?

– Мне так показалось, – повторил еще раз, если придурок не понял.

– Тогда все ясно, – снова разулыбался Воронцов, будто новость о состоянии тощего его неимоверно обрадовала. – Тут по симптомам похоже на инсульт. Такое бывает.

– Наверное, – согласился я осторожно.

– Наверное, – повторил он. – Ну и хорошо. Значит, повезло нам всем. И женщине, и тебе, и Толику.

– Ага.

Я даже слегка улыбнулся уголками губ. Ровно настолько, чтобы это можно было засчитать за вежливость. Не больше.

Апогей тоже продолжал скалиться – еще шире, еще добрее. Как старший брат младшенькому.

Только в глубине голубых глаз что-то не совпадало с этой улыбкой. Что-то холодное, липкое, тяжёлое. Аркадий Воронцов принял мою версию. И одновременно с этим – не поверил ей ни на секунду. Просто отложил на будущее.

«Псих, придурок, не выпендривайся!» – снова забубнил Мозгоед. – *Он тебя щупает!»*

Ну это я и без телепата понял. Судя по всему, Воронцов реально сначала не обратил внимания, что один из грабителей валялся в отключке. Слишком был увлечен своей ролью спасителя. Потом вспомнил, когда отошел от магазина, и что-то в данном факте его напрягло. Потом уже началась наша игра в гляделки.

Теперь смазливый придурок пытается меня изучить. На предмет чего? Наличия Дара? Подозревает, что тощему помогли вырубиться? Толика в качестве потенциально одаренного Воронцов не рассматривает. Уперся конкретно в мою персону.

Апогей чуть склонил голову набок. Похоже, это у него жест из разряда «ищу подход».

– Ты не любишь страх, да, Витя? – спросил он тихо.

– Не люблю, – согласился я честно. Тут врать не пришлось.

– Молодец. Правильно. – Он подался вперед и хлопнул меня по плечу. Ладонь Апогея оказалась горячее, будто у него температура. – Знаешь, у нас в Авангарде есть один... такой... принцип. Не бояться нельзя. Но можно не позволять страху решать за тебя. Понимаешь?

– Понимаю.

«Да что он вцепился в тебя, как клещ...» – озадачился телепат. – *Что-то чуёт, сучоныйш.»*

«Одаренные способны считывать друг друга?»

«Только телепаты. Остальные – нет.»

– Вы вообще откуда, ребят? – Апогей перевёл взгляд на Гнуса, на меня, снова на Гнуса.

– Мы... – Толик открыл рот.

– В город приехали на подработку, – перебил я Гнуса, пока он не ляпнул чего-нибудь лишнего. – Не местные, из области.

Анатолий быстро глянул на меня, но слава богу сообразил, что ему не мешает вообще заткнуться и стоять молча.

– Ну да, ну да, подработка, – подтвердил он.

– Слушайте, – сказал Апогей. Хлопнул в ладоши – коротко, будто ему только что пришла в голову блестящая идея. – А давайте я вас угощу? Тут через два перехода «Богатырь». Знаете? Ну, ну. Все знают. Пошли, а? Съедем по бургеру. Отойдёте после случившегося. Заодно и мне польза – пообщаюсь с простецами поближе, это всегда полезно.

Гнус чуть не задохнулся от восторга. Все его мысли читались по физиономии на раз. Он – простой пацан, а его зовет перекусить настоящий небожитель. Из тех, чьи рожи смотрят с плакатов. Плюс – бесплатный бургер. Настоящий. С прожаренной котлетой, с соусом и вкусной булкой.

«Скажи «да», – прошипел в голове Мозгоед. – Скажи «да», сядешь, съешь его сраный бургер, поугукаешь ему в такт, а потом свалите. Он же прицепится. Он уже прицепился. Если сейчас пошлешь его – вообще парня переклинит. Апогей не любит отказов. Совсем не любит.»

Народный любимчик ждал. Смотрел на меня своими лучистыми голубыми глазами, и в них уже появилось раздражение. Пока еще легкое, тщательно скрываемое. Аркадий Воронцов давно, ох как давно не сталкивался с ситуацией, в которой ему пришлось бы ждать ответа от простеца.

– Аркадий..., – Пришлось вложить в голос столько сожаления, сколько удалось наскреести. – Спасибо. Правда, спасибо. Мы бы с радостью. Просто нам сейчас надо ехать. Вот прямо срочно.

– Куда? – дружелюбно поинтересовался он.

– К дядьке. Он на смене, договорились, что подъедем и поможем. Опаздываем уже. Влетит нам. – Врал я на голубом глазу, так, что не подкопаешься. – И спасибо ещё раз, что... ну... спасли. Всех.

Улыбка Апогея дрогнула. Не пропала – именно дрогнула на долю секунды. Уголки губ ушли вниз на миллиметр и вернулись обратно.

Он слышал не «спасибо», а «отвали».

Гнус рядом со мной сдунся. Буквально. Плечи опустились, лицо вытянулось, из ауры пропала половина яркого цвета. Аж жалко его стало. Но не настолько, чтобы садиться за один стол с Апогеем.

«Какого хрена ты отказался?» – подозрительно спокойно спросил Мозгоед.

«Потому что в его присутствии меня плющит от ненависти. Чем дольше мы находимся рядом, тем сложнее держать это чувство под контролем. Если мы сядем жрать его сраный, как ты сказал, бургер, не уверен, что через пять минут я не сорвусь и не попытаюсь ударить Апогея по мозгам. Хрень какая-то...»

«Это уважительная причина,» – резко переобулся телепат. Хотя пару минут назад он настойчиво требовал, чтобы я принял приглашение.

– Точно? – переспросил Апогей. – Дядька подождёт. Я ему позвоню, если хотите. Скажу, что задержу вас на полчасика. Думаю, мне он не откажет.

Я попробовал улыбнуться. Судя по удивленному взгляду Гнуса, который он на меня кинул, вышло не очень. Скорее не улыбка, а оскал.

– Дядя у нас строгий, – сказал вежливо. – Не поймёт. Обидится. Простите.

Секунду Апогей смотрел на меня, не мигая. Потом кивнул.

– Ну ладно. Как скажешь, Витя. Как скажешь.

Он сунул руку во внутренний карман белой куртки, вытащил маленький глянцевый прямоугольник. Визитка. Плотная, дорогая, с золотым тиснением по краю.

Протянул мне.

– Держи. Если что – звони. По любому вопросу. Меня напрямую сложно поймать, там секретарь ответит. Скажешь: «Витя из ювелирки». Нас сразу свяжут.

Вот тут даже я понимал, что отказываться нельзя. Пришлось взять.

– Спасибо, – сказал вслух.

Спрятал визитку в карман.

Апогей отступил на полшага. Обвёл взглядом меня, Гнуса. Опять улыбнулся. Интересно, у него от такого количества улыбок к вечеру скулы не клинит?

– Берегите себя, ребят. Мир жестокий. Всякое бывает.

Развернулся и двинул прочь. Не спеша, вразвалочку. Прошёл сквозь толпу, снова начал раздавать поцелуи, автографы, обнимашки. Фанаты взвыли с новой силой. Народный герой вернулся к своим прямым обязанностям.

Мы с Гнусом ещё постояли пару секунд. Потом я схватил его за рукав.

– Пошли. Быстро.

И рванул из ювелирного магазина.

Глава 3

Мы выскочили из торгового центра как ошпаренные. Вернее, это я выскочил. Гнус бежал за мной, но явно не разделял моего желания оказаться подальше от этого места.

– Псих, а ты видел, какие у него нашивки на куртке? Реально золотые. Сука, стоял в двух шагах от меня. В двух! Кому расскажи – не поверят!

Я резко остановился. Дернул Толика за куртку, развернул к себе.

– Не надо никому рассказывать. Ясно? Забудь вообще про эту встречу.

– Да ясно, ясно, – Гнус недовольно скривился. – Ты в натуре псих. Нормальные люди готовы жопу порвать, чтобы оказаться в компании Апогея. А тут он сам... Могли же нормально пожрать, между прочим. Может, он нас в офис Девятки пригласил бы. Прикинь? А там Горнило, Штиль, Мираж и Панацея...

Последнее имя Толик произнес с придыханием. Если его так в присутствии Воронцова растарашило, могу представить, что случится, когда рядом окажется Панацея. Вообще пацан с катушек слетит.

Я молча развернулся и пошел вперед. Нездоровый восторг бывшего соседа бесил меня очень сильно. Аж руки чесались, как хотелось дать ему в морду. Глядишь, мозги на место встанут.

«Вот-вот. Дай ему в морду. И я про что, – тут же поддакнул Мозгоед. – У пацана в башке черт знает что. А нам такое не надо. У нас уже есть один на голову пристукнутый. Ты.»

Телепат подумал немного, а потом со смешком добавил:

«Хотя почему один? У нас целая компания чокнутых».

«Отвяжись».

– А куртка у него, ну, реально белая, – не унимался Толик. – Как он её чистит-то? Наверное, специальная услуга есть, а?

– Гнус.

– Ну?

– Пасть закрой. По-хорошему прошу.

Толик покосился на меня, оценил зверское выражение моей физиономии. Хмыкнул, вытащил коробок спичек из кармана, сунул одну в зубы и отвернулся. Сделал вид, будто разглядывает дома, мимо которых мы шли.

Однако, молчание явно не его фишка. Хватило пацана ровно на пять минут.

– Слышь. А жратву-то не купили, – выдал Гнус.

Я резко тормознулся, оглянулся назад, туда, где остался торговый центр. Бывший сосед замер рядом.

Толик прав. Из-за желания свалить из ТЦ побыстрее у меня совсем вылетело из головы, зачем мы вообще притащились туда. Шмотки – дело нужное, но Зубов велел еще купить еды. С голоду мы, конечно, не умрем, просто цербер снова будет беситься. А я чего-то устал за эти несколько дней постоянно с кем-то бодаться.

– Возвращаться будем? – тихо спросил Гнус.

– Нет.

Обратно в торговый центр меня не тянуло вообще. Там Апогей мог ещё торчать в фойе, раздавать автографы, лобызать своих обожателей. Возвращаться – идея паршивая.

– А что тогда делать? – Толик шмыгнул носом, – Послать Зубова?

Я скептически посмотрел на него.

– Ты спокойную жизнь совсем не любишь, да? Хочешь, чтобы он тебя все-таки грохнул? Посылатель, блин. Ищи магазин. Должен же в этом районе быть хоть какой-нибудь сраный магазин.

– Ша найдём, – уверенно сказал бывший сосед. – Это спальный район. Здесь по-любому должен быть продуктовый.

Мы двинули дальше по улице, свернули за угол. Хрен там. Первые этажи занимали салоны красоты, аптеки и пункты по выдаче товаров с маркетплейсов. Такое чувство, что в этом городе у людей всего три задачи: быть красивыми, не болеть и затариться каким-нибудь дерьмом, купленным через интернет.

– Идем дальше, – буркнул Толик, – здесь пусто.

Прошли ещё квартал. Снова заморосил дождь, что совсем не улучшило настроение. Гнус на ходу натянул капюшон, вздохнул тяжело. Наверное подумал, что мы могли бы сейчас сидеть в "Богатыре" и есть бургеры, а не вот это все. Правда, про Апогея он больше не трюндел. Сообразил наконец, что меня эта тема нервирует.

Мы топали вдоль дороги, мимо проезжали машины, автобусы. Внезапно одна из тачек резко остановилась и с визгом шин сдала назад, прижалась к обочине. Я насторожился. Окна были тонированными, сразу не разберешь, кто сидит внутри.

Водительская дверь открылась, оттуда высунулся Зубов.

Мы с Толиком как два идиота замерли, уставившись на старшего воспитателя. Удивило два момента.

Во-первых, машина была другой, не той, что угнали с заправки ночью. Хотя это, наверное, как раз понятно. Разъезжать по городу на ворованной тачке – очень хреновая идея.

Во-вторых, откуда он тут взялся? Город я знаю неплохо, если цербер был в Инкубаторе, он должен возвращаться в промзону по другой дороге.

В третьих, Зубов выглядел так, будто неся на пожар, но в последний момент передумал и решил: да гори оно все огнем. Роба у него была злая, в глазах отчетливо читалось желание убивать. Подозреваю, это желание имеет прямое отношение к нам.

Аура вокруг цербера клубилась плотной, чёрно-багровой массой. Ровной. Без всполохов. Такое я уже видел в лесу, когда Зубов чуть не пристрелил Гнуса с Люком.

«Сука, – коротко высказался Мозгоед. – Сейчас что-то будет. Похоже, он искал конкретно вас».

– Никонов, – рявкнул воспитатель. – Пакеты забрал, пошёл пешком до гаража. Дорогу помнишь?

– Иван Сергеевич, но мы... – начал было Толик.

– Пешком. До гаража. Дорогу помнишь?

«Скажи своему идиоту-соседу, чтобы он сейчас не спорил, – посоветовал телепат. – У мужика фляга свистит конкретно. Глянь на него. Глаза бешенные, кровью налились. Он прям совсем в нехорошем настроении».

– Помню. – Гнус уже и без моих подсказок сообразил – лучше делать, что говорят.

– Тогда иди, – повторил Зубов.

– Мы не купили еду ещё, – вмешался я. – В магазин зайти надо...

Зубов посмотрел на меня. Судя по злощей роже, желание убивать выросло у него раза в два.

– Ясен хрен, вам не до этого было, – произнёс он мрачно. – Вы же, сука, звёзды теперь. Какая, на хрен, жратва? Какие магазины? Не царское это дело.

Мы с Толиком растерянно переглянулись. Звезды? О чем он?

– Никонов, ты еще здесь? – Внимание Зубова снова переключилось на Гнуса.

Тот тяжело вздохнул, забрал пакет из моих рук и пошел в сторону промзоны.

– Рубин, сел, – велел цербер.

«Прям как собаке... – хмыкнул телепат, – какой же обаятельный и милый человек этот Зубов».

Я подошел к тачке, плюхнулся на пассажирское сиденье. Машина мгновенно сорвалась с места.

Минут десять старший воспитатель просто молча гнал вперед. Смотрел на дорогу, вцепившись в руль. По-моему, пытался взять под контроль свое неадекватное бешенство. А он сильно был взбешен, это факт. Его прямо выворачивало наизнанку от злости. Что-то явно произошло.

Мы выехали на окраину, Зубов свернул на трассу. Потом, удерживая руль одной рукой, из внутреннего кармана куртки достал пластиковую карту. Кинул мне на колени.

– Твоё. Держи. Пригодится.

Я взял, покрутил пластик, разглядывая его. С одной стороны – моя фотография. Не свежая, годичной давности, из личного дела. Под фото – фамилия, имя, отчество. Дата рождения. Ниже – штрихкоды, магнитная полоса, серия из цифр и букв. С обратной стороны – крохотный чип и голограмма с гербом Конфедерации.

Карта гражданина.

– Круто, – сказал я осторожно. – А как ты её достал-то?

Вообще, наверное, более благоразумно было бы снова вернуться к вежливому "вы", но благоразумие, уж очевидно, не мой конёк? Да и странно теперь "выкать" человеку, который грозит меня пристрелить, а я ему обещаю расплавить мозги.

Зубов не ответил. Продолжал смотреть на дорогу.

– Иван Сергеевич... – настойчиво позвал по имени, культурно.

Ноль реакции.

По большому счету, можно забить, карта есть и слава богу. Но мне очень было интересно, как Зубов ухитрился это проверить.

Карты всех воспитанников хранились в кабинете директора. Кабинет запирался на ключ. Ключей на весь Инкубатор было два – один у Эрика Робертовича, второй, запасной, в дежурке. И оттуда его не выдавали никому, кроме самого директора. Значит, Зубов либо взломал директорский кабинет – что вряд ли. Либо обчистил дежурку, что тоже мало похоже на правду. Либо карту отдал ему сам директор.

«И что из этого следует?» – спросил Мозгоед.

«Не мешай. Соображаю».

«Ну соображай, соображай. Только побыстрее. Мне этот тип вообще никак не нравится».

Внезапно в голове всплыла картинка.

Актный зал. Инквизиторы. Бурый бьётся в судорогах. Двое церберов волокут его к выходу. И Эрик Робертович, идущий следом за ними. У самой двери он обернулся. Мазнул взглядом по рядам. Остановился на мне. На секунду. На пару секунд, может быть.

Я тогда понял: директор если не в курсе, то подозревает – Бурый не при делах. Но по какой-то своей причине его устроил такой итог. Он не сдал меня инквизиторам. Просто не сдал.

А теперь ещё карта гражданина.

Значит, Эрик Робертович был не случайным человеком в этой истории. И, судя по всему, вообще далеко не случайным.

«Ох ты ж, – протянул Мозгоед. – А директор, оказывается, тоже с двойным дном. Слышь, Псих, там не интернат, а какое-то общество гребаных масонов. У всех есть тайны и секретики».

Я сунул карту во внутренний карман куртки. К визитке Апогея. Красивое соседство.

Зубов продолжал молча пялиться на дорогу. Дождь окреп, лил уже плотно. Дворники со скрипом ходили туда-сюда.

«Куда он нас везёт?» – поинтересовался Мозгоед.

«Откуда мне знать?».

«Не нравится мне это молчание. Твой Зубов выглядит как настоящий маньяк, отвечаю».

«Он не мой».

Мы отъехали километров на десять от города, и цербер свернул с трассы на грунтовку. Пропетлял через поле, выехал на опушку леса. Судя по всему, до ближайшего жилья или какой-то цивилизации топать и топать. Даже линии электропередач сюда не тянулись. Место – глухое.

Тачка остановилась. Зубов вылез из машины на улицу. Отошел к ближайшему дубу, замер под ним, как истукан. Стоял и пялился в даль, не на меня.

Я посидел ещё пару минут, потом тоже вылез. Идиотизм ситуации, конечно, зашкаливает, но что поделаешь. Сам связался с чокнутым воспитателем.

Дождь хреначил прилично, однако тут, под деревьями, было более-менее сносно. Лес пах прелой листвой и мокрым мхом. Зубов вытащил сигареты, закурил. Пепел не стряхивал, его сдувало ветром.

Я подошёл. Замер в двух шагах от него.

– Знаешь, чем утром занимался, пока ты со своим дружком-кретином по ТЦ шлялся? – спросил цербер, не глядя в мою сторону.

– Нет.

– Следы подчищал. Ваши. Из интерната официально сбежали шесть человек. Как ты понимаешь, троим пришлось помочь. Нашел их в лесу, неподалеку от территории. Прятались в кустах. Идиоты... Им повезло, что их не загребли сразу. Какое-то просто фантастическое везение.

«Везение, – хохотнул Мозгоед, – Держи карман шире. Просто дружок Зубова, директор, позаботился, чтобы кроме тебя, Гнуса и рыжего сопляка еще несколько человек исчезли из Инкубатора. Там же идиот на идиоте сидит и идиотом погоняет. Они сами сроду не додумались бы, как свалить из-под носа у инквизиторов. Их кто-то вывел, приказал ждать помощи, потом явился Зубов и проводил детишек до города».

Я промолчал в ответ, но, пожалуй, с телепатом был согласен. Трое воспитанников смогли ускользнуть и заныкаться в лесу на несколько часов? А потом их "случайно" нашел Зубов?

«Твою ж мать... – вскинулся Мозгоед, – Псих, он их походу грохнул. Слышь? Если Зубов вывел пацанов из леса, он засветился. Вечно прятать их не будет, на хрен они ему не уперлись даже ради отвлечения внимания, слишком муторно. А вот отвести в лесок подальше и убить...».

Зубов затаился и продолжил. Будто услышал наш мысленный диалог.

– Пацанов, конечно, найдут. Это вопрос времени. Главное, что сейчас в интернате кипиш, и это хорошо. Сейчас ты один из шестерых сбежавших. Не единственный в списке. Понял?

Я кивнул. Сам переваривал сказанное Мозгоедом. Не хочется это признавать, но в словах телепата было здоровое зерно. Очевидно, Зубов что-то от меня хочет. Причем хочет настолько, что готов идти по головам. Да что там идти, он готов эти головы отрывать.

Старший воспитатель затаился в последний раз, окурок бросил под ноги, растёр каблучком.

– А теперь у меня вопрос, Рубин. Вы что там в торговом центре устроили? Мозгов совсем нет? Толпа свидетелей. У всех, сука, телефоны. Одна баба из этой толпы оказалась вовсе не случайной прохожей. Журналиста на подработке в «Лозинская-Медиа». Сняла всё с самого начала. От момента, когда Апогей проходил сквозь стену, до сцены, где этот прилизанный ублюдок разговаривает с двумя пацанами.

Зубов повернулся ко мне.

– Практически сразу запись пустили в эфир. Ты же, мать твою, знаешь, что все сюжеты с членами Авангарда моментально попадают на экран. Их крутят на улицах вместо рекламы,

показывают в новостях. Во всех кафе, во всех парикмахерских, даже в сраных продуктовых. Апогей спас беременную женщину, сотрудников и посетителей ювелирного магазина. Кадры глазами очевидцев. И в этих кадрах, Рубин, отчётливо видно ваши с Никоновым рожи. Крупным планом. По две с половиной секунды каждая. Ясно тебе?

«Ох ты ж, – прошипел Мозгоед. – Здорово ты вляпался, псих. Здорово».

«Зашибись ты переобулся. Когда что-то путное, говоришь "мы". А тут сразу только я вляпался».

– А, – сказал вслух Зубову. – Ясно.

– Молодец, – цербер оскалился. Улыбка вышла нехорошая. – И вот, значит, стою я на перекрестке, возвращаюсь спокойно обратно на базу, а на экране – твоя рожа и Апогей рядом. Представляешь, как удивился?

– Представляю.

Зубов резко схватил меня за шиворот, подтянул к себе.

– Да хрен там. Ни черта не представляешь. Ты что, фанат этого сладкого мальчика в белой курточке? Зачем вообще терся возле него? Ты понимаешь, что твою рожу видел не только я, но и безопасники? Как думаешь, сколько им времени потребуется, чтобы выяснить адрес торгового центра, наведаться туда и разыскать следы, которые вы оставили?

«Он прав, Псих», – мрачно констатировал Мозгоед.

– Слушай теперь, что скажу, – продолжал Зубов. – И слушай хорошо. Ты, Рубин, – инструмент. Инструмент нужен для одного – приносить пользу. Не приносит пользы – на хрен, на свалку его. Если он ещё, сука, вместо пользы приносит проблемы – свалка отменяется, будет переработка мусора. Знаешь как перерабатывают мусор?

Я резко откинул руку Зубова, сделал шаг назад.

– Знаю

– Если засветишься ещё раз, – произнес он тихо, – я тебя пристрелю в этом же лесу. Прямо тут, на этом месте. Оттащу к оврагу, засыплю палой листвой. И через месяц твоё тело найдёт какой-нибудь кретин с собакой. Знаешь, что мне за это будет, Рубин?

– Что?

– Ничего.

«Он не блефует, – тихо сказал Мозгоед. – Пристрелит и глазом не моргнёт, если решит, что проблем от тебя больше, чем пользы».

– Идём дальше, – продолжил Цербер. – Я помогаю тебе не от доброты душевной. У меня с этим вообще погано. И с добротой, и с душевностью.

Он снова достал пачку сигарет. Вытряс одну. Раскурил.

– Семь лет назад кое-что произошло. С одним десятилетним пацаном. Хороший был пацан, сообразительный. Учился на отлично, спортом занимался. Даже олимпиады какие-то выигрывал. В остальном – вполне обычный, простец. Как все детишки проходил медосмотры. Плановые. Раз в год. И вот однажды пришел пацан на медосмотр, а ему сообщают: тебя, дорогой, забираем в Центр реабилитации. У тебя, знаешь, признаки латентного Дара. И увезли, значит, пацана.

Затянулся.

– Через двадцать один день пацана не стало. Официально – неврологический коллапс во время инициации. Знаешь, что такое инициация? – Зубов сплюнул на землю, – Хрен с ним, знаешь, не знаешь – не важно. Семье вернули только урну с прахом. Соболезнования, крематорий, венки. Всё как положено. Только вот, Рубин, есть у меня уверенность, что пацан не умер, что он жив. Его просто держат в каком-то очень закрытом месте и ставят на нем какие-то гребаные эксперименты. Почему именно он? Понятия не имею. Только думаю, он не единственный. Знаешь, какое главное правило неизменно? Дар проявляется в детстве. От

трёх до пяти лет. После пяти лет дети уже к Дару не способны. Если только им не привить его искусственно.

Зубов помолчал, затем снова продолжил.

– И вот, значит, что я вижу. Есть один семнадцатилетний Виктор Рубин. В присутствии которого вдруг начали происходить всякие странности. Я думаю, что ты – живое, ходячее, дышащее опровержение официальной позиции. Ты – доказательство, что взрослому подростку в семнадцать лет можно каким-то образом привить Дар. И где-то, значит, есть эта технология. Значит, в десять лет дар подселить тоже могут. Я должен найти факты и доказательства. Потому что тогда я найду тех, кто берет десятилетних мальчишек и зачем-то пытается сделать их одаренными. Так понимаю, со всеми подряд такое не прокатывает, нужны какие-то определенные показатели в организме. И ты, Рубин, мне поможешь. Знаешь, почему поможешь?

– Знаю, – хмуро буркнул я.

– Ну, скажи.

– Потому что у меня выбора нет.

– Молодец. – Он коротко хмыкнул. – А почему нет выбора?

– Потому что ты меня иначе пристрелишь.

– Правильно. Оба варианта верные. А теперь...

Зубов сделал шаг назад, посмотрел на меня так, будто оценивал новое приобретение. Думал, не прогадал ли с покупкой. Потом сунул руку под куртку и вытащил из-за пояса пистолет. Щелкнул затвором, навел ствол прямо мне в рожу.

– А теперь, пацан, проверим, какой именно Дар ты заполучил.

Глава 4

Пистолет смотрел мне ровно в переносицу. Я тоже пялился на чертов пистолет, прямо в дуло, и почему-то на полном серьезе пытался определить марку. Все-таки в стрессовых ситуациях мой организм вместо человеческого, нормального страха выдает какую-то дичь. Как сейчас. По большому счету, по хрену, из какого оружия меня грохнут, тем более я в нем не разбираюсь.

В общем, это был обычный ствол. Такие носит гвардия среднего звена и ЧВК. Вроде бы.

Зубов держал меня на прицеле вполне спокойно. Без театральщины, без драматичных фраз. Будто чертов пистолет – органичная часть его тела, продолжение руки. Будто церберу не привыкать тыкать оружием в лицо всем подряд. Впрочем, если вспомнить ночную сцену в лесу, чего я удивляюсь.

Самое «прекрасное» в этой ситуации, что мне и деться-то некуда. Сзади и по бокам плотной стеной стоял глухой лес, а впереди маячил мужик с замашками убийцы. При этом я чувствовал всем своим нутром – конкретно сейчас обмануть Зубова какой-нибудь сказочкой не выйдет. Даже если с пеной у рта буду доказывать, что никакого Дара у меня нет и в помине, старший воспитатель не поверит. Он точно знает – есть.

Мозгоед в голове притих. Что показательно – не орал, не паниковал, даже не глумился. Просто ждал. Мне показалось, чертовой пиявке было любопытно. Seriously. Он будто с интересом наблюдал, как я себя поведу. Или как себя поведет Зубов.

С одной стороны, это хорошо. Значит, Мозгоед не чувствует реальной опасности. С другой – я так и не выяснил истинные мотивы телепата, засевшего в моей башке. Может, он тоже слегка не в себе. Так-то мой невидимый кореш несколько десятилетий тусовался в виде светящейся медузы в стеклянной коробке. Мало кому это пойдет на пользу.

– Ну? – Зубов начал терять терпение. – Показывай, пацан.

– Что показывать?

Дурацкий вопрос. Сам понимаю. Но ничего другого в голову не пришло. Не каждый день меня собираются пристрелить за здорово живёшь.

Цербер чуть склонил голову к плечу. Знакомый жест. Точь-в-точь как у Апогея. Кстати... Гонять сейчас подобные мысли смешно и крайне неуместно, но есть у этих двоих что-то общее. У предводителя Девятки и цербера. Они оба пристукнутые наглухо и оба меня бесят.

– Показывай, что умеешь. Какой Дар тебе достался, – спокойно пояснил Зубов. – Не хочу тратить время на разговоры. Все эти тупые объяснения, долгие рассказы совсем ни к чему. Перейдем сразу к той части, где ты наглядно демонстрируешь свои способности. Хочу понимать, что за карты мне выпали.

– А если ни хрена не умею? – усмехнулся я с вызовом.

– Значит, ты мне не нужен. Дальше буду двигаться без тебя, – невозмутимо ответил воспитатель.

Он опустил ствол ниже. Медленно, лениво. Дуло теперь смотрело в мокрую землю в двух шагах от моих кед.

А потом этот кретин взял и нажал на спуск. Seriously. Выстрел из своего гребаного пистолета. Хлопок вышел глуше, чем можно было ожидать – короткий, плотный. Комок грязи взорвался в воздухе, брызги веером ударили мне по ногам. Несколько холодных капель попали на шею над воротником.

«Слышишь, советничек, – позвал я Мозгоеда. – А вот сейчас ты не хочешь принять участие? Меня так-то могут убить».

«Не могут, – ответил телепат. – Если бы он реально этого хотел, уже бы завалил тебя. Мне просто интересно, как далеко готов зайти наш крутыш».

«Ты нормальный? А если он реально прострелит мне ногу?»

«Ой, господи... велика беда. Ты чем слушаешь? Я же сказал, твое тело тоже меняется. Сколько дней уже прошло после бункера? Три? Четыре? Уверен, ты способен к регенерации. Новая конечность не отрастет, конечно, но раны заживут как на собаке. Заодно проверим, насколько далеко продвинулись твои изменения».

«Ну ты и сука...» – восхитился я логикой Мозгоеда.

– Следующая – в колено, – сказал Зубов спокойно. – Потом в другое. Потом в плечо. Всё сделаю аккуратно, чтобы не сдох и не истек кровью. Не заставляй меня быть очень плохим человеком. Договорились, Рубин? У меня патронов до хрена. Даю тебе пять минут на размышления.

Я снова посмотрел на ауру цербера. Она у него оставалась той же, чёрно-багровой, ровной, без единого всполоха. Ну ясно, он уже всё для себя решил.

Соврать не выйдет. Но просто так открывать все карты тоже не сильно хочется. К тому же я не цирковой пудель, чтобы по шелчку пальцев показывать фокусы.

«Да сделай ты уже что-нибудь. Он ведь не уgomонится, – тихо сказал Мозгоед. – Сам говорил, Зубов в любом случае допетрит, кто ты есть. Огнём плеваться мы не умеем, менять суть вещей тоже. Вызывать дождь в пустыне, становиться невидимым, превращать воду в вино – все это не наши фишки. Прикрыть телепатию нечем. Пойдёте в бункер – там один чёрт всё вскроется».

«Правда? А если он не остановится на бункере? Слышал, что про пацана рассказывал? Этот придурок хочет найти доказательства экспериментов над детьми. Факты, что обычного человека можно сделать одаренным. А я, если ты вдруг забыл, то самое доказательство и есть».

«Ты не обычный человек. Я же говорил. Ты телепат».

«Латентный?»

«Латентными знаешь кто бывают? – хохотнул Мозгоед. – Не позорься. Не говори это тупое слово. Давай, покажи Зубову маленькое представление. Утомился уже наблюдать его мерзкую рожсу».

«Ну ок. Потом не говори, что я не предупреждал».

Поднял взгляд на цербера. Посмотрел ему прямо в глаза. Значит, дядя хочет фокус? Хорошо.

Могу ударить его, как Штыка. Но тут ситуация сомнительная. Вдруг сделаю мужика овощем или вообще убью. И что дальше? Останусь в городе один? Гнуса и Сиротина можно в расчёт не брать. Каждый из них имеет свои цели, мне совершенно непонятные и неизвестные. Да и что толку от двух пацанов, которые вместе со мной сбежали из Инкубатора? Я для них полезнее, чем они для меня. А Зубов... Ну, он пока нужен. В бункер и правда надо вернуться, поискать информацию о синхронизации.

«Вот-вот...» – поддакнул телепат.

Внезапно мне в голову пришла мысль. Я вдруг понял, что надо сделать.

Не стану бить Зубова ментально, просто покажу ему что-нибудь интересное из его же собственной башки.

Дело за малым – надо как-то пробить ауру цербера, нырнуть хотя бы на первый слой, что совсем не просто. У него эта чёртова аура совсем не подарок. Она не такая податливая, как у Скотины или у Клопа. В сознание того же физрука я попал без малейших помех. С Зубовым надо действовать иначе.

У цербера дымка стоит плотной стеной. Чёрная, гладкая, без единой трещины.

Ну и хрен с ним.

Значит, будем выбивать эту грёбаную стену.

Я моргнул, втянул воздух ноздрями, а потом перестал сдерживать то, что копилось с самого утра – злость на Апогея, брезгливость ко всей Девятке в целом, ненависть к тому, как цербер орал в машине, раздражение из-за его дурацких приказов. Всё это скомкал в один плотный шар и швырнул им в стену чёрно-багровой дымки.

Пожалуй, по силе удара это было похоже на то, как специальные машины с тяжелыми чугунными шарами разбивают старые дома, сносят их.

Аура Зубова не проломила, не треснула и не рассыпалась. Она вдруг растянулась, как плёнка, а потом резко, с неприятным чваком всосала меня внутрь.

Я провалился в какую-то вязкую хрень. Но не остановился. Меня затягивало все глубже и глубже.

Вокруг стало темно. Темнота была ночная, с рваной желтизной выстрелов и яркими вспышками взрывов. Где-то рядом стрекотал автомат, чуть правее бахали гранаты. Пахло жжёной пылью, гарью, ещё чем-то – резким, кислым, будто от разряженной батареи.

Уши моментально заложило из-за грохота. Короткие сухие хлопки очередями раздавались со всех сторон. Тут же доносился чей-то мат. Какого черта? Куда меня занесло?

Я моргнул, тряхнул головой, а потом понял, что вижу все происходящее собственными глазами. Не со стороны, не как в кино. Своими глазами, но через другого человека.

Так же было и со Скотиной, когда смотрел его воспоминания. Так же, да не совсем. Тогда интенсивность восприятия казалась не столь яркой. Сейчас же я реально стоял на поле боя. Сам. Будто меня зашвырнуло в компьютерную игру.

Только это был не я.

Тело чужое. Значительно крупнее моего, тяжелее. Правая нога слушалась плохо, приходилось её подволакивать. Опустил голову, посмотрел вниз. Штанина пропиталась кровью. В руках – автомат. Никогда в жизни не держал автомата, но сейчас точно знал, где отбойник, где переводчик режима.

Зубов. Твою мать... Я нахожусь в сознании Зубова, в его воспоминании. Вот только мало это воспоминание похоже на те, что хранятся на первом уровне.

«Псих, ты куда понёлся?!» – голос Мозгоеда звучал очень глухо, как сквозь слой воды. – *Выходи! Сейчас же!»*

Я его слышал, но откликнуться не мог. Меня намертво припечатало к Зубову.

Впереди, метрах в шести, ударила вспышка. Это стреляет враг. Я знал наверняка. Слева кто-то упал. Не медленно, как в кино, – просто на ходу сложился пополам и рухнул на землю. Форма у него была та же, что и на мне. Значит, свой.

Неосознанный импульс толкнул меня вперёд быстрее, чем успел сообразить, что делаю. Так понимаю, у меня и выбора-то не было. Я тут ничего не решаю, просто сижу в башке Зубова и наблюдаю, что делает он.

Рванул с места и, согнувшись пополам, побежал к парню, которого сейчас подстрелили. Двигался не по прямой, петлял, как заяц. Слева, справа, спереди – отовсюду стреляли. Сука!

Расстояние преодолел за несколько секунд, упал на колени перед товарищем. Большая нога тут же отозвалась острой болью. Похоже, это пока ещё просто ранение. Именно сейчас Зубов его получил, в бою.

Посмотрел на пацана. Лицо молодое. Совсем. Лет двадцать от силы. Светлые брови, короткая щетина, шрамик на верхней губе – старый, ещё детский, наверное. Вся форма на груди промокла. Огромное чёрное пятно. Это кровь, сразу понял.

Глаза у парня ещё были открытыми. Смотрели куда-то мимо, вверх, прямо в чёрное небо.

Я – то есть Зубов – что-то начал говорить ему. Основной смысл слов ускользал от меня, да и не очень это важно, если честно. Слышал только зубовское дыхание – тяжёлое, чуть с хрипом, и его же «сука, сука, сука», глухое, сквозь зубы.

– Сергеич... – выдохнул пацан. – Сергеич, наших выведи.

И всё. Одна-единственная фраза. В следующую секунду что-то в его лице изменилось. Глаза остекленели, мышцы расслабились.

Я замер в чужом теле. Ладони Зубова легли пацану на грудь, будто он надеялся удержать в его теле хоть какую-то жизнь. Будто, если крепче прижать, она не утечет и пацан придет в себя. Внутри появилось что-то такое, чего я в жизни не испытывал. Не боль. Хуже. Как будто у меня вырвали душу. Ощущение было настолько сильное, что в глазах потемнело.

«ПСИХ! ВЫЛАЗЬ, СУКА!» – заорал Мозгоед.

Голос его наконец пробил все слои и ударил меня по мозгам, как очень сильная оплеуха. Телепат просто бился в истерике.

Я дёрнулся.

Ухватился за то, что нужно было забрать с собой. Не за всю сцену – на неё сил не хватило бы, слишком она была объемная, слишком больная. Только за пацана. За его лицо, за форму, за тихий шёпот. За запах, который шёл от одежды – тяжёлое оружейное масло и дешёвый табак.

Всё это вырвал из чужой памяти и потащил наружу, с собой.

Меня выкинуло из сознания Зубова так же резко, как и затянуло.

Я снова стоял в мокром лесу. Из носа текла тёплая струйка. Ну ясно, уже привычно пошла кровь. Мозгоед матерился в голове громко и грязно, обзывал меня всякими неприличными словами.

А вот Зубов выглядел точь-в-точь как до моего погружения. Он стоял в той же позе, смотрел на меня хмуро. Для него прошло не больше пары секунд. Он просто видел, как я вдруг напрягся, а потом у меня из носа потекла кровь.

Теперь надо отдать воспоминание обратно. Вернуть его церберу, но не просто вложить как информацию, а воплотить картинку.

Я потянул из себя всё, что забрал. Тонкой нитью, ровно столько, сколько надо. А потом, прямо за цербером, сзади него, начал восстанавливать пацана, форму, кровь на груди, шёпот, запах масла.

В реальности никого там, естественно, не появилось. Я же не грёбанный волшебник, чтобы создавать материальные вещи из воздуха. Даже одаренным это не под силу. Моя картинка станет видимой и настоящей только для одного человека – для Зубова.

Из носа хлынуло уже не струйкой. В виске запульсировала боль. В правом ухе тоже стало тепло – потекло и оттуда. В теле появилась лёгкая дрожь. Как бы не рухнуть мордой в грязь.

Секунда, две, и сзади Зубова появился мёртвый пацан в форме, с тёмным пятном во всю грудь. Забавно. Я знал, что это иллюзия, что он плод воображения, если так можно сказать, но видел его так же четко, как самого цербера.

– Сергеич. наших выведи, – прошелестело за спиной воспитателя.

Зубов вздрогнул.

В одно мгновение от его лица отлила вся кровь. Плечи на миллиметр поднялись вверх, дыхание сбилось. Аура цербера, до этого неподвижная, непробиваемая, вдруг лопнула по верхнему краю. Оттуда, из трещины, полезло что-то белёсое, ртутное – опаска. А следом – узкая полоса цвета сырой глины. Не страх. Это было что-то гораздо более сильное. Такой цвет я вижу впервые.

Рука Зубова, та, в которой был зажат пистолет, медленно опустилась, ствол теперь смотрел в землю. Я думал, обернётся – как любой нормальный человек, услышавший знакомый голос за плечом. Не обернулся. Стоял и смотрел прямо на меня. И в его глазах – впервые за всё время – было что-то не зубовское. Настоящая боль, переживание, стыд, что не уберег парней, за которых отвечал головой.

– Сергеич, – повторил парень в форме, чуть тише. – наших выведи.

Зубов сглотнул, а потом очень медленно повернулся. Всем корпусом.

В реальности за его спиной никого не было. Вообще. Но цербер видел то, что я захотел ему показать. Он видел пацана, который погиб у него на глазах в одном из сражений.

Цербер замер. Дышал так громко, что это дыхание начало гулом отдаваться в моих ушах. А в следующую секунду я понял, что тело меня подвело. Правая нога подкосилась, колено ушло вниз. К счастью, ладонь встретила землю раньше, чем успел клюнуть носом в грязь.

Мозгоед в голове что-то говорил. Что именно – ни хрена не понятно. Слова долетали обрывками, как через плохую связь.

«...кто тебе это... не техника... не моя.....не должно было...»

Как только я упал на колено, иллюзия развеялась. Наверное, потерял над ней контроль.

Зубов повернулся ко мне.

Выражение его лица не изменилось, всё та же каменная маска, но по ней пошли трещины. Глубоко пошли. И бледность никуда не делась, стала даже сильнее. А губы так вообще посинели. Как бы не помер наш бравый вояка.

Он посмотрел на меня. Потом опустил взгляд на руку, которой я опирался о землю. Не сказал ничего.

Молча сунул руку во внутренний карман куртки. Вытащил белый носовой платок. Сложенный аккуратно, вчетверо, углы к углам. Шагнул вперёд и протянул его мне.

Я взял платок. Пальцы тряслись так, что чуть не выронил. Приложил ко лбу, вытер холодный пот. Затем к носу, к уху. Кровь моментально окрасила ткань – красное пятно с рваными краями.

Протянул обратно как есть. С кровью.

Зубов взял. Двумя пальцами, за уголок. Постоял мгновение. Свернул обратно, тем же аккуратным движением, будто ничего не случилось. Убрал во внутренний карман.

– В машину, – сказал он коротко. Голос у него осип, стал хриплым.

Потом развернулся и пошёл к тачке.

Я поднялся сам, без его помощи. Ну и слава богу. Не хотел, чтобы он меня трогал. Не сейчас. Поплёлся вслед за цербером.

Открыл дверь, плюхнулся на пассажирское сиденье.

Зубов завёл двигатель, но сразу трогаться не стал. Несколько минут сидел, смотрел в лобовое стекло. Пальцы на руле сжались, разжались, снова сжались.

Потом достал сигарету. Прикурил не с первого раза, щёлкал зажигалкой дольше, чем обычно. Затянулся. Открыл окно, выдохнул дым.

«Мозгоед, – позвал я тихо. – Ты чего замолчал?»

Телепат ответил не сразу.

«Соображаю, Псих».

«Соображаешь о чем?»

Пауза.

«О том, что ты сейчас сделал. Это был даже не второй слой, Псих. Это самая сердцевина. Потайные страхи, которые ломают жизнь. Ты вообще никак не должен был туда попасть. Я тебе этой техники не показывал. Более того, Псих, такой техники не бывает».

«В смысле?»

«В прямом. Увидеть старую боль – ок. Но вытащить её и создать конкретный чёткий образ – невозможно».

«Но я сделал».

«Я в курсе. Поэтому и соображаю. И кстати, имей в виду на будущее, лезть в самое нутро сознания человека опасно. Ты может заблудиться там и не выйти.»

Он помолчал. Потом добавил, тише:

«Что-то с тобой не так, Псих. Что-то сильно не так».

Холодок прошёл по спине от копчика до затылка. Фраза телепата прозвучала слишком зловеще. То есть всё ещё хуже, чем мне казалось? Так, что ли?

– Я их вывел, – произнес вдруг Зубов. Он говорил это даже не для меня, скорее отвечал сам себе. – Всех вывел, а его нет. – Цербер помолчал немного, потом добавил: – Такого Дара не существует. Я не слышал ничего о подобных способностях у одаренных. Видел оружие, которое воздействует на мозг. Бьет какими-то волнами. После него в башке полная каша. В буквальном смысле.

– Если не существует, значит, тебе показалось, – пожал я плечами.

Цербер мрачно зыркнул на меня и тронулся с места. По-моему, он не оценил мой тонкий юмор.

Глава 5

Когда мы с Зубовым добрались до промзоны, дождь превратился в полноценный ливень. Хлестал так, что дворники не успевали смахивать воду с лобового стекла.

Всю дорогу цербер молчал и пялился только вперед. Ни разу не глянул в мою сторону, не задал больше ни одного вопроса. Не могу сказать, что случившееся в лесу сильно его изменило. Ну там вся эта чушь типа – мир перевернулся, пришло осознание. Минута слабости, когда он позволил эмоциям взять верх, быстро закончилась. Почти сразу. Рядом со мной снова сидел мудака с мрачной физиономией и замашками маньяка.

Но при этом старший воспитатель один черт о чем-то думал. Напряженно думал. Другой вопрос, что в этих размышлениях, уверен, для меня нет ничего хорошего. Теперь Зубову известно – телепаты существуют. По крайней мере один точно. И если он сейчас пораскинет мозгами, хорошенько пораскинет, то поймет, какие возможности открывает перед ним это знание.

Мозгоед тоже притих. Наверное, все еще переваривал, что во мне не так. Делиться соображениями на эту тему он не торопился.

Я как бы тоже с разговорами не навязывался, ни первому, ни второму. Откат оказался слишком сильным, хотелось просто посидеть молча. Хорошо, хоть кровь перестала литься и в виске больше не пульсировало.

Мы въехали на территорию промзоны, добрались до своего гаража. Тачку цербер загнал за штабель поддонов у дальнего бокса. Оттуда до нашей двери было шагов тридцать по мокрому бетону. Пробежали быстро, но всё равно промокли до нитки. Я шлепал по лужам и чувствовал, как в кедах противно хлюпает вода.

В гараже, по сравнению с той сранью, что творится на улице, было тепло и уютно. На столе стоял чугунный казанок, от которого весьма аппетитно пахло – судя по аромату, Гнус и Сиротин нашли среди консервов перловку с тушенкой. Толик сидел за столом, перед ним стояла миска с кашей. Куртку он повесил на грядущку кровати, чтобы просохла. Похоже, пока топал обратно в гараж, тоже промок под дождем.

– О, вы уже вернулись. А мы тут это... подсутились, – обрадовался Гнус, как только я и Зубов переступили порог.

Не знаю, что его впечатлило. Может, сам факт, что цербер не прибил меня где-нибудь в подворотне.

Зато Люк на наше появление никак не отреагировал. Он устроился на раскладушке, на коленях держал миску со своей порцией каши. Ел размеренно, неторопливо.

Впрочем, этот пацан вообще не отличается особым энтузиазмом. Подозрительный тип. Обычно такие тихенькие потом берут ножик и идут резать людей. Ну и еще, я не забыл, что пацан тыкал мне в нос книжкой, в которой рассказывают про телепатов. Неизвестно откуда взявшейся книжкой, хочу заметить.

Зубов молча подошёл к столу. Приподнял крышку казанка, заглянул внутрь. Опустил обратно.

– Хлеба нет? – спросил он в никуда.

– Нэту, – доложил Толик, шумно вздохнув. Почему он вдруг заговорил с кавказским акцентом, понятия не имею, – Мы же вам говорили, что не успели купить продуктов.

Цербер медленно повернул голову к Гнусу. Взгляд у него был такой, что пацан втянул шею в плечи, как испуганная черепаха.

– Иван Сергеевич, там ситуация была, – быстро зачастил Толик. – Мы вообще всё продумали, шли в супермаркет, но там, короче...

– Сдача, – коротко перебил его Зубов.

– Чё? – бывший сосед бестолково уставился на воспитателя.

– Сдача, говорю. С того, что я вам оставил на покупки. Вы же не все потратили?

Гнус на секунду замер, будто про сдачу не думал вовсе. Потом привстал со стула, полез в карман штанов, зашуршал бумажками. Вытащил мятые купюры, положил их на стол, аккуратно разгладил ладонью. Придвинул к церберу.

– Вот. Половина примерно осталась, – смущенно буркнул Толик.

Зубов сгрёб деньги в кулак, не считая. Сунул к себе в карман.

– Половина, – повторил он ровно. – В итоге ни хлеба, ни чая, ни жратвы нормальной. Молодцы. Ешьте, что есть. Я скоро.

Он развернулся и вышел, аккуратно опустив за собой рольставню.

Мы с Толиком переглянулись. Гнус мгновенно посветлел лицом, будто после ухода Зубова ему стало легче дышать.

Я двинулся к рукомойнику за шкафом. Имелось огромное желание смыть с рожи кровь и, как бы странно это ни звучало, чужие воспоминания.

Вообще, хочу сказать, сомнительная радость – вот так нырять в прошлое посторонних людей, окунаться в их страхи и переживания. Что за чертова несправедливость? Если я уж внезапно оказался одаренным, неужели нельзя было подкинуть что-то более впечатляющее и менее геморройное?

Открыл кран, подставил ладони под ледяную струю. Умылся. Подержал руки под водой, пока пальцы не онемели. Посмотрел в треснутое зеркало. Из отражения на меня по-прежнему пялилась знакомая рожа. Слегка бледная, немного осунувшаяся, но в целом – тот же Витя Рубин, что и три дня назад. Обычный семнадцатилетний придурок, влипший в какое-то дерьмо по самые уши.

Вернулся к столу. Гнус уже накладывал перловку в чистую миску. Так понимаю решил сделать что-то полезное. Я взял из его рук свою порцию, устроился на диван.

Первые пять минут ели молча. Слышался только скрежет ложек и чавканье Толика. Он же не выдержал первым.

– Слышь, Псих... А тебя чё Зубов увёз-то?

– Разговаривать, – коротко ответил я.

– И как, поговорили?

– Плодотворно.

Гнус замер с ложкой на весу, в надежде на продолжение. Продолжения не последовало. Я спокойно закидывался кашей и точно не собирался обсуждать случившееся с кем-то из своих компаньонов.

– Понятно, – Толик вздохнул, ковырнул перловку. – А чё он бешеный такой был? Пена изо рта шла.

– Он всегда бешеный, – пожал я плечами. – Не заметил, что ли?

– Ну да, просто сегодня как-то по-особому.

Скрывать от пацанов информацию о новостях, в которых мы красиво засветились рожами, не было смысла. Это точно не тайна. Судя по всему, они еще об этом не в курсе. В принципе, понятно. Телека в гараже нет, радио тоже не наблюдается.

– Нас с тобой всей Конфедерации показали, – сказал я бывшему соседу. – По всем каналам, какие только есть. Уличные плазмы, кафешки, магазины. Короче везде.

Толик снова застыл. Несколько раз бестолково хлопнул глазами.

– Чего? – переспросил он.

– Того. В толпе зевак журналистка была. Всё сняла. Как Апогей появился, как мы с ним разговаривали.

Гнус медленно опустил ложку в миску. Аура у него плеснула сразу двумя цветами – сначала лимонно-жёлтым, восторженным. Ровно на долю секунды он почувствовал себя популярным человеком. А потом – бурым, тревожным.

Восторг ушёл почти мгновенно, тревога осталась. Масштаб проблемы Толик осознал достаточно быстро.

– Ох ты ж... – поморщился он, – Это совсем не хорошо...

– Ага, – согласился я, продолжая параллельно закидываться перловкой.

– И Зубов, значит, увидел?

– Увидел.

Толик посмотрел на дверь, потом на меня, потом снова на дверь. Взял ложку, положил обратно.

– То есть мы теперь... того... на всю страну засветились?

– Ты не звезда, Гнус, если речь об этом, – хмыкнул я. – Ты дурак. Нас не только Зубов видел, но и инквиз... ммм... безопасники.

Толик запустил пальцы в волосы, взъерошил их, снова пригладил. Аппетит у пацана отбило начисто.

– Ну мандец, Псих... – тихо сказал он. – Как теперь-то?

– Никак. Сидим, жрём перловку.

Я покосился на Сиротина. Этот, в отличие от Гнуса, вообще никак не отреагировал на мой рассказ, будто возникшая проблема его не касалась. Только один раз коротко зыркнул – исподлобья, невыразительно, – и снова уткнулся в миску.

– Люк, – позвал я рыжего.

Думаю, самое время задать вопросы, которые множатся едва ли не с каждым часом. Пока Зубова нет рядом.

Сиротин поднял голову, уставился на меня своим безэмоциональным взглядом.

– А ты чего с нами вообще пошёл? – поинтересовался я невинным голосом. – Ну вот так, если по-серьёзке говорить.

Толик, услышав мой вопрос, тут же отодвинул свою миску, настороженно посмотрел на рыжего. Его, походу, это тоже волновало.

Люк аккуратно проглотил то, что было во рту, воткнул ложку в остатки каши.

– В Инкубаторе скучно, – высказался он ровным голосом. – Я ведь уже говорил.

Потом опять принялся ковыряться в перловке.

Почти минуту мы с Гнусом молча пялились на пацана, ожидая продолжения. Однако сопляк не собирался развивать эту тему, продолжал как ни в чём не бывало работать ложкой. Видимо, он счел свой ответ вполне исчерпывающим.

– Скучно, – повторил я.

– Ну да, – кивнул Сиротин с набитым ртом.

– Серьёзно?

– Ну да.

Я в тихом офигевании смотрел на Люка и пытался понять: это он идиот или всё же реально со мной что-то не так. Формулировка «скучно было» – совсем не подходящая причина, чтобы тринадцатилетний пацан мог ломануться из интерната с двумя малознакомыми середнячками и старшим воспитателем-психом, который каждый час хочет в кого-нибудь выстрелить.

«Псих, – Мозгоед подал голос осторожно, вкрадчиво. – Ты этого мелкого держи в поле зрения. Не забывай про него ни на минуту. Чего-то он не договаривает. Прямо сильно не договаривает. И еще мне не нравится его аура. Знаешь, что в ней странно... Она серая и неподвижная... искусственная какая-то. У простецов так не бывает...»

«Думаешь, он одаренный? – удивился я. – Еще один запоздалый самородок?»

«Тоже сомнительно. У одаренных вообще ни черта нет никакой ауры. Сам видел ублюдка Апогея. А тут... какая-то серединка на половинку. Вроде на простеца не похожее, но и наличие Дара под очень большим вопросом... Короче... Просто присматривай за ним».

«Ты уже говорил».

«А я ещё раз повторю. Не нравится он мне. Кубаторит что-то втихаря в своей рыжей башке. Сидит, молчит, никаких эмоций не проявляет».

«Может, просто характер у него такой?».

«Может, – согласился телепат. – Нордический. А может, и нет. Просто наблюдай».

Гнус, не дождавшись от Сиротина адекватного ответа, подтянул миску обратно и начал снова есть. Зачерпнул два раза, но потом резко отодвинул свой обед в сторону и решительно ударил ладонью по столу.

– Псих, хочу поговорить, – заявил он вдруг. – Слушай. Я тут подумал... Ты прав. Будет честно, если мы расскажем о себе. То есть о своих мотивах. Чтобы ты понимал, кто рядом с тобой.

– Валяй, – согласился я. Пожалуй, это было самое дельное предложение за последние сутки.

Толик глянул на Сиротина, поморщился. Наверное, именно поведение Люка натолкнуло его на мысль устроить сеанс откровения.

– Батя мой – на самом деле медвежатник, – начал Гнус издалека. – Не мелкая шушера какая-нибудь, реальный спец. Старая школа. – В голосе у бывшего соседа появилась гордость, откровенная, искренняя. – Работал по-крупному. Банковские хранилища, частные сейфы, кол-лекции. Ни разу не попался за последние лет двадцать. Он свой первый срок отсидел еще до нашего рождения, и, когда появился старший брат, сказал матери, мол, жопу порвет, но за решеткой больше не окажется. А потом... Четыре года назад. Кто-то слил его. Батя сейчас на строгае, ещё пятерик тянуть ему.

Толик замолчал, глядя мимо меня в стену. Потом продолжил:

– Про брата. Он старший. Костя. Ему девятнадцать, вернее, двадцать уже почти. Костик у нас голова. В компьютерах шарит – закачаешься. Ну и... пошел по батиным стопам, только в другой теме. Хакерство, взломы, слив данных. И полгода как влип. Хрен знает во что. Только, думаю, по-крупному влип.

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

– Нас в Инкубатор отправили, когда батя дали срок. Ты Костика застал, он, когда тебя привезли, был еще в средней, потом перешел в старшую. Просто, наверное, внимания не обращал. Чуть больше года назад его выпустили во взрослую жизнь, – Гнус покачал головой и негромко рассмеялся. – Взрослая жизнь... ага... В общем, Костян сразу пошел работать по профессии, которую выбрал еще в интернате. Ну, эти все... цифровые технологии. Приезжал ко мне раз в две-три недели.

– Погоди, – перебил я Толика. – Разве в Инкубаторе разрешены свидания с родственниками?

– Нет, конечно, – хмыкнул он. – Но если очень хорошо попросить директора, если, например, подкинуть ему денег, то бывают исключения. Костян платил Эрику Робертовичу за каждую встречу. Он же всей этой темой с хакерством занялся уже на воле. Пару месяцев отработал, и на него вышли спецы. Говорю же, брательник у меня талантливый. Я сразу все понял, как только у него появились деньжата. Очень приличные. Мы еще смеялись, что кровь не водица. Батя сейфы взламывал, а Костик – цифровые тайники. Полгода назад приехал дёрганный какой-то, руки тряслись. Я спросил, что случилось. Он говорит – влип. Предупредил, что пропадёт на месяцок, а потом вернётся, когда всё утихнет...

Толик замолчал, стал мрачным.

– Он не вернулся, – продолжил я вместо него.

– Да. Уже пять месяцев ни ответа, ни привета, – кивнул Гнус, – а такого быть не может. Костян меня бы никогда не бросил.

«Не врёт, – подал голос Мозгоед. – Ни разу не соврал. Все, что рассказал, – чистая правда. По крайней мере твой придурочный сосед в это верит».

Толик вздохнул тяжело, потом выдал:

– Я к чему всё это, Псих. Батя мне с детства вбивал: против замка нужна отмычка, против пули – броня. Против одарённого – только одарённый. Простец там ничего не сделает. Я уверен, что последнее дело брата было связано с одарёнными. Он когда приезжал, перед тем как исчезнуть, прямо сильно приссыкивал. А Костика не так сложно напугать, это я тебе точно говорю. И ещё...

Гнус оглянулся на Сиротина. Судя по всему, он планировал сказать что-то реально важное, но не хотел делать это при Люке. Только я собрался предложить Толику выйти на улицу, как рольставня поехала вверх, и в гараж вошел Зубов. Мокрый, с пакетом в руках.

Промаршировал к столу, молча выложил батон, хлеб, круг копченой колбасы в вакууме, кусок жёлтого сыра под плёнкой, банку растворимого кофе, пачку чая в мятой картонке, сахар в бумажном пакете, две пачки печенья.

Потом повернулся ко мне и прямо с ходу, без предисловий рубанул:

– Ночью пойдём в бункер. Втроём.

Честно говоря, количество участников предстоящего похода стало для меня неожиданностью.

– Втроём? – уточнил я.

– Мы с тобой и рыжий, – Зубов кивнул на Сиротина. – Никонов остаётся здесь.

– Чё?! – взвился Толик. – Почему рыжий? А я?

– Тут посидишь, – обрубил цербер.

– Не знаю, что за бункер вам нужен, но уверен, там по-любому есть какие-нибудь замки... – многозначительно высказался Гнус. Намёк был совсем не тонкий и ни капли не прозрачный.

А вот Сиротин, что примечательно, новости о своём участии в ночном мероприятии совсем не удивился. Только посмотрел на Зубова безразличным взглядом и всё. Потом вообще взял свою миску и пошёл её намывать к рукомойнику. Получается, Люк вполне понимал, почему именно его берёт цербер. И понимал, о каком бункере идет речь. Вопросов к сопляку стало ещё больше.

Гнус погонял ложку в остатках каши, размазывая по миске. Тяжело вздохнул. Ждал, что воспитатель разжует свое решение по бункеру, объяснит выбор. Зубов, однако, никаких пояснений давать не собирался. Стянул мокрую куртку, повесил рядом с толиковской, уселся за стол, начал резать колбасу. Не для нас – для себя. Отложил в тарелку четыре тонких ломтика, сыр настрогал туда же, добавил кусок батона.

Меня такой поворот сильно не устроил. Не то, что Зубов жрёт колбасу. Пусть хоть подавится ею, сука психованная. А то, что он вдруг решает за меня, кто идет, а кто остается.

– Иван Сергеевич, можно тебя на пару слов? – спросил я.

Затем, не дожидаясь ответа, встал, кинул свою миску с остатками каши на стол и двинулся к рольставне.

– Не советую, – не поднимая головы, буркнул цербер. – Там льёт как из ведра, а я мокнуть больше не собираюсь. Если ты хочешь сказать, что рыжий соплик на хрен нам не нужен, разочарую тебя. Поверь, он будет полезен.

Толик мгновенно вставил свои пять копеек.

– Я тоже полезен, Иван Сергеевич. Замки, электроника – что там в бункере ни попадётся, всё вскрыю.

Аура у него запульсировала чуть ярче – тускло-зелёная нить расчёта пробила сильнее обычного.

«Гляди, как старается, – оживился Мозгоед. – Твой сосед сейчас не просто набивает себе цену. Он тебя должником делает. Понимаешь схему? Помог вам – потом просит вашей помощи. Батя, видать, объяснил в детстве, что бесплатно ничего не даётся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.